

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

КЛЕЩ

Пьеса в одном действии.

г. Екатеринбург
2015 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВАЛЯ – 40 лет

МАРИЯ – 40 лет

АНЯ – 20 лет

Квартира в сталинском доме, наши дни, лето.

Квартира в сталинском доме. Потолки высокие. Старые стулья, буфет, всё старое. Паркет скрипучий. Паутина по углам. Высоко на шкафу стоит портрет красивого, улыбающегося мужчины – в углу портрета траурная рамка. Возле портрета лежит кошка, хвостом машет. Собака старая время от времени приходит из кухни и с шумом, вздохом, будто человек, ложится возле ног Ани. Полежит-полежит, встанет и снова уйдет.

За круглым столом сидят ВАЛЯ, 40 лет, МАРИЯ, 40 лет и АНЯ, 20 лет.

Окна закрыты плотными шторами, на полу из окон немного солнца, слышно, как за окном качаются клёны.

ВАЛЯ. Я старшая по дому.

АНЯ. Ты чего припёрлась?

ВАЛЯ. Не припёрлась, а припёрлись

АНЯ. На «вы» надо? Кур-кур. Кур-кур. Понятно?

ВАЛЯ. Нет, не понятно. Ты чего дурочку ломаешь? Чего ты куркаешь? На «вы» надо. Я твоя бывшая учительница. Хотя бы это уважай.

АНЯ. Хорошо. Повторяю. Вы чего припёрлись, Валентина Сергеевна?

ВАЛЯ. Я пришла, чтобы ...

АНЯ. Дать вам волю? Так?

ВАЛЯ. Нет, не так. Помолчи уже, а? Я тебя не боюсь. Вы меня должны бояться. Вы не платите за квартиру полгода.

АНЯ. И что? Вам какая печаль от этого? Вам не платим, что ли? Мы вам должны, что ли?

МАРИЯ. Убей её. Её надо убить. Это насекомое.

АНЯ. Мама, помолчи.

ВАЛЯ. У неё что? Совсем поехала крыша?

АНЯ. Так, держите дистанцию, Валентна Сергеевна. Не ваше дело, ясно? Мы поняли, всё. Мы не платим. И ладно. Всё. Идите.

ВАЛЯ. Нет. Что она такое сказала?

АНЯ. Всё, сказала, ну?! Идите!

ВАЛЯ. Я никуда не пойду. Я должна вам объяснить ситуацию. Из-за вас наш дом в 20 квартир, старый, сталинский дом, в центре города, дорогие квартиры, уважаемые люди тут живут – так вот, из-за вас наш дом отключат от электричества, от газа, воды холодной и горячей, от отопления, от канализации. Из-за тебя, Аня, из-за вас, Мария – забыла, как вас по батюшке.

АНЯ. Ну и хорошо.

ВАЛЯ. Что хорошего?

АНЯ. Что вы в говне потонете.

ВАЛЯ. Дак и вы тоже потонете.

АНЯ. Ну вот, все и потонем. И прекрасно. Как нам будет весело всем вместе в ад отправиться.

ВАЛЯ. Слушай, кончай тут гнать пургу, а? Заплатите давайте быстренько, и дело с концом, а?

АНЯ. Гнать. Гнать пургу. Хорошо это сказано.

ВАЛЯ. Так все сейчас говорят. Это молодежный жаргон. А я с молодежью работаю.

АНЯ. «Гнать, держать, смотреть и видеть, дышать, слышать, ненавидеть. И зависеть, и терпеть, ненавидеть и вертеть».

ВАЛЯ. И что? Это глаголы второго спряжения.

АНЯ. Помирать буду – не забуду ваши уроки русского. «Иван родил девочку. Велел держать пелёнку». «Чувиллин чувствует, что ему сочувствуют».

ВАЛЯ. Хватит бредить.

АНЯ. Я не брежу. Это ваши уроки. «До чего ж сегодня день чудесный, Солнце в небе празднично горит! Освещает местность и окрестность! И теплом своим сердца бодрит! Но лежит на пастбище корова! Грустно смотрят карие глаза! Потому что ей пастух суровый «Здравствуйте!» сегодня не сказал!» ...

ВАЛЯ. И что?

АНЯ. Весь класс сидит и поёт это под вашим руководством. Сидит толпа народу и хором бредит: «Мошенник у труженика одну «н» украл!». А вы стоите у парты и руками машете, дирижируете.

ВАЛЯ. Я учила вас всех игрой запоминать правописание! А «Иван родил девочку велел тащить пеленку!» - это падежи: Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Творительный, Предложный!

АНЯ. Ну и дура. Дательная.

ВАЛЯ. Вы запомнили это на всю жизнь! Носки и чулки. Носки короткие - слово длинное: носков. Чулки длинные - слово короткое: чулок. «Белый, бледный, бедный бес убежал по следу в лес! Лешим по лесу он бегал, редькой с хреном пообедал! И за бедный тот обед обещал надеть бед!». Понятно?!

Молчание.

Ну ведь помнишь?

АНЯ. Помню. Негодились ваши уроки, Валентина Сергеевна. «Долго ели торты, не налезли шорты».

МАРИЯ. Убей насекомое.

АНЯ. Мама, помолчи.

ВАЛЯ. Платить надо. За всё надо платить.

АНЯ. Ну, где мы вам денег возьмём? Ну, нету у нас. Я безработная. Мама – слепой инвалид. У неё пенсия – пшик. Еле на еду хватает. На то и живём.

ВАЛЯ. А кошку вон и собаку держите.

АНЯ. Кошка моя, собака мамина. Она без неё не может. Они едят то же, что и мы. Картошку и хлеб. Хлеб и картошку.

ВАЛЯ. Не ври. Они бы сдохли.

АНЯ. Да где я вам деньги возьму, ну?

ВАЛЯ. Анечка, понимаешь, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, сказал великий Герцен ...

АНЯ. ... которого разбудили декабристы. Да хоть Пушкин, нет денег, да и всё.

МАРИЯ. Ты убила? Я чувствую, что оно ползёт по мне ...

АНЯ. Мама, успокойся, окно закрыто, насекомых нет ... С тех пор, как маму укусил клещ и она ослепла – она боится насекомых.

ВАЛЯ. Я знаю, что ты мне это сообщаем? Я ещё не выжила из ума, как вы обе.

АНЯ. Слушайте, Валентина Сергеевна, вот вы такая упитанная, толстая, не сказать – жирная, поперёк себя толще, вот вы жрёте по ночам беляши и сало бежит по рукам, а мы – нет. Не жрём. Вы на пенсии на учительской на хорошей, поди, а ещё подрабатываете репетиторством ...

ВАЛЯ. Я не на пенсии, что ты врешь? И ничем я не подрабатываю. Я ещё работаю, я прекрасный педагог и меня ценят в школе.

АНЯ. Ну, ладно. Ну, нет у нас ничего. Мне что, на панель идти? Не пойду. Вы ведь меня в школе учили доброму и светлому, так? Я не могу на панель.

ВАЛЯ. Так, ты полегче на поворотах со словечками со своими, тоже держи дистанцию. Аня, все же сейчас экономят, и я экономлю, знала бы ты про мои доходы.

АНЯ. Вы одна живёте.

ВАЛЯ. И что? Я не виновата, что у меня такая конституция, что я пухленькая. Кстати, в Конституции России стоит: «Граждане России обязаны платить за свою квартиру сами!».

АНЯ. Ничего там такого не стоит. У нас нет денег.

ВАЛЯ. Объявите тогда в интернете краудсорсинг.

АНЯ. Чего?

ВАЛЯ. Люди всё время в интернете объявляют краудсорсинг. Сбор денег на проекты.

АНЯ. А какие у нас с мамой проекты? Сдохнуть скорее?

ВАЛЯ. Ну, и на проекты собирают, и на помощь всякую. На больных, на съемки кино, на больных животных. Попросите у людей, пусть помогут.

АНЯ. Не знаю я никаких людей. Не снимаем мы кино. Наши животные старые, но не больные. Нет у нас интернета. И компьютера даже нету. А вы участвуете в этих сборах?

ВАЛЯ. Нет, но я знаю, что такое есть.

АНЯ. А я не знала, не знаю и знать не хочу. Всё. Вот Бог, а вот порог. Идите.

ВАЛЯ. Вот то-то и оно, что у вас нет интернета. Вы сидите взаперти. А ты молодая. Могла бы подсутиться. Иди вон, найди какого-то мужика себе с деньгами, замуж выйди.

АНЯ. А вы что себе не найдете?

ВАЛЯ. О тебе разговор!

АНЯ. Чтобы какой-то хряк волосатый, гнусный, грязный, вонючий ходил тут в трусах по нашей квартире?

ВАЛЯ. Можно найти чистого, красивого, кудрявого. А что? Бывают и такие. Ты ушла из института со второго курса, бросила учёбу и сидишь взаперти! Молодая!

АНЯ. Я за матерью ухаживаю.

ВАЛЯ. Можно найти мужика с жильем. Раз бывают бабы с жильем, то и у мужиков бывает жилье!

АНЯ. Обычно не бывает.

ВАЛЯ. Можно будет переехать к нему, а эту квартиру сдавать. Надо смотреть в отдаленную перспективу!

АНЯ. Куда?

ВАЛЯ. Туда! В даль! В светлую! Откройте окна! Вдохните воздуха жизни!

Валентина Сергеевна раздернула шторы на окне, дернула ручку рамы, открыла две половинки окна, ветер влетел и начал весело шевелить всё в квартире.

Слышен звонок трамвая с улицы, шелест листьев на деревьях.

АНЯ. Нет, нет, что ты делаешь, дура?!

МАРИЯ (кричит). Аня! Аня! Аня! Спаси меня! Аня!

Аня кинулась, захлопнула окно.

АНЯ. Ну вот, вот, что вы наделали, оса влетела, вот она, теперь что делать?! Мама, сиди, не двигайся, я её убью газетой, стой, стой!

МАРИЯ. Аня, Аня!

ВАЛЯ. Не зли осу, она укусит! Не трогай её! Открой окно, она вылетит взад!

АНЯ. Сейчас, сейчас, мама, я её убью!

Хлопает газетой по стенам, по полу. Молчание.

Аня идет на кухню, приносит совок и веник, подметает, снова идет на кухню к мусорному ведру.

Тихо, мама, тихо, готово. Я её убила, спокойно.

Молчание.

ВАЛЯ. Боже, какая злая девочка выросла. Как у Чехова: «В разговоре она могла легко убить насекомое, не обратив на это внимания».

АНЯ. Идите вон отсюда, ну прошу вас, а? Господи, зачем я открыла вам дверь?! Я давно не девочка. Мне двадцать лет.

ВАЛЯ. Уже двадцать? Такая взрослая, такая старая.

АНЯ. А вам сколько?

ВАЛЯ. Мне сорок. Я молодая. Я знаю, что тогда, десять лет назад на пикнике в лесу маму твою укусил клещ. Дмитрий всю жизнь каялся потом, что повез маму и своих друзей в тот лес.

АНЯ. Что ему было каяться? Он умер через полгода после того, как мама ослепла.

МАРИЯ. Дима? Дима?

АНЯ. Мама, молчи, она сейчас уйдет.

ВАЛЯ. Я тоже боюсь заразы: мух, тараканов, муравьев, мышей, но я не делаю из этого трагедии. А с Марией это была трагическая случайность.

АНЯ. Кукушка кукушонку купила капюшонку ... Кукушка кукушонку купила капюшон. Как в капюшоне он смешон. Мы сидим и ждём, когда вы уйдёте.

МАРИЯ. Он и с тобой таскался. Он со всеми таскался. Он был предателем. Я узнала её голос. И с ней тоже таскался.

ВАЛЯ. Что?

АНЯ. Мама, перестань. Это не она. Это Валентина Сергеевна, моя учительница. Бывшая.

МАРИЯ. Что я, её голоса не узнаю? Запомнила навсегда. Она сколько раз звонила, просила Диму к телефону.

АНЯ. Мама, это не она.

МАРИЯ. Да она, что ты мне говоришь? Тварь. Как я ненавижу его, его, предателя, негодяя, какая тварь он был. Ладно – она, она – плевать, но он, он, так врал мне всю жизнь, сволочь... Его с такими почестями похоронили, столько народу пришло, а надо было его выкинуть из гроба на землю, из гроба, из гроба, к лошадям за ноги привязать и пусть лошади тащили бы его на помойку, на помойку, на помойку ...

АНЯ. Мама, перестань! Я с тобой тоже с ума сойду!

МАРИЯ. Вон, пусть уйдёт вон! Я не могу с ней дышать в одной комнате, задыхаюсь, она хуже клеща! Она оба два клеща, и он, и она, они всю кровь мою выпили!

Молчание.

ВАЛЯ. Ясно. Я сделаю чаю.

АНЯ. Ну, заговаривается она, что делать? Нечего делать.

ВАЛЯ. Ясно. Чаю надо, чаю.

Валентина Сергеевна идет на кухню, ставит чайник, гремит посудой, приносит на стол чашки – все из разных сервизов, щербатые. Снова идет на кухню. Заваривает чай, приносит всё, ставит на стол.

Сидят все трое перед горячими чашками, из которых идёт пар.

АНЯ. Я пошла в магазин неделю назад. Зашла в трамвай. Сжали меня. Я стою и думаю: «Куда они лезут, куда они едут, почему они все не на работе?!». Стояла, злилась, а потом жалко всех стало. Потому что вдруг всех увидела в гробах. Всех их увидела в гробах. Ведь все, все до единого станут землёй, причём так скоро, что не успеют оглянуться. Как миллиарды людей до них стали землёй. И от того, что все мрут, земля становится всё тяжелее и скоро покатится, покатится куда-то, упадёт и взорвётся, как говно. Ведь так вот вода: она копится, копится, а потом находит дырочку. Или как капля: она стучит, стучит и камень трескается.

МАРИЯ. Почему ты её не гонишь? Что она тут сидит?

ВАЛЯ. Инсектофобия – так это научно называется. Боязнь насекомых.

АНЯ. Мама, я не могу её выгнать. Это не оса. Её газеткой не прихлопнешь. Она что-то сказать хочет, но тянет, вот и не уходит. Дождёмся, когда она всё скажет и уйдёт.

ВАЛЯ. Скажу. Да, скажу. Она права. *(Помолчала)*. Это правда. Мария. Дима был у меня. Много раз. Мы с ним жили год вместе. Он жил у вас, а любил меня, и приходил ко мне, а вам говорил: идёт искать работу. Он хотел уйти с рынка.

После того, как он был инженером, работать на рынке уборщиком было стыдно. А потом был этот пикник, потом клещ укусил тебя. Вас, Мария. Потом началась её болезнь, а он был чуткий и ранимый, и честный, и он перестал со мной общаться. Я тысячу раз встречала Марию во дворе, видела, как он её вёл под руки, уже слепую, видела и хотела ей сказать всё, всю правду, но не сказала. А тебе было десять лет, и я преподавала тебе русский язык и литературу. Но тебе-то что я могла сказать? Ты ничего не понимала, как и теперь: поди, разорешься снова, а что толку? Мы с ним любили друг друга. А вы - две насекомые. Вы у меня его украли.

Молчание.

АНЯ. Что вы сказали?

ВАЛЯ. Да, украли. А теперь я снова пришла за ним. За своим.

АНЯ. Что такое? Что? Это правда?

ВАЛЯ. Ты что, тоже слепая? Он умер десять лет назад, я была тогда похудее и покрасивее, он десять лет был на рынке, из инженеров. Стал пить, я ему наливала. Как приманить мужика? Говорить ему, что он красивый и умный, и наливать ему, кормить его. Вы не говорили, не наливали, не кормили.

АНЯ. Я ничего не понимаю? Вы что такое говорите, Валентина Сергеевна?

ВАЛЯ. Понимать нечего. Не говорили! Не наливали! Не кормили! Ведь так?

АНЯ. Что я могла ему говорить? Мне было десять лет. *(Пауза)*. И вы моим учителем были?

ВАЛЯ. А мне было тридцать лет. Я хотела любить и любила. Я хотела счастья и нашла его.

АНЯ. Ну, и прекрасно. *(Помолчала)*. Что ж теперь о покойнике разговаривать. Было, наверное, было. Ну и пусть. Не надо маму нервировать. Он мужик, а все мужики блядуны. Он, значит, такой же был, как и все. Права мама. Идите. Всё. Сказали, десять лет ждали сказать это? Ну, сказали. Идите, прошу. Зачем вы это рассказываете? Не надо. Всё, мы всё поняли. Пока.

ВАЛЯ. Я пришла за ним. Я вчера шла по улице и увидела его. Он постарел, прошёл мимо меня и меня не узнал, но я его узнала, улыбнулась, помахала рукой, но он ничего не сказал. Пошёл, я за ним. Я поняла, что он всё ещё не хочет со мной разговаривать, что вы ему запрещаете. Я пошла за ним. Он пришёл на площадь. Там его встретила девчонка моложе его лет на десять, они поцеловались и пошли куда-то. Ну, не девчонка, женщина лет тридцати, похожая на меня. Когда я увидела, что она похожа на меня, то я поняла, что он ищет меня в других. Что он по-прежнему меня любит. Они пошли, я за ними. Они сели на лавочку, я рядом. Они пошли в кафе, и я пошла. Я ходила и ходила за ними весь вечер. Я поняла, когда ходила за ними, что он не умер. Я не видела его в гробу, я не была на похоронах, я не хожу на похороны. Ну, и где он?

АНЯ. Кто?

ВАЛЯ. Дима. Вы тут его где-то прячете. Он пошёл с этой женщиной в ваш подъезд, я успела заскочить вместе с ними сюда, но они вдруг пропали. Я прошла все этажи. Их не было. Он пропал. Где он?

Молчание.

Валя подошла к портрету, стоящему на буфете, стукнула кошку, прогнала.

АНЯ. Да, папа. Молодец. Неужели ты был такой супермен, что и правда свёл с ума аж двоих, а? Может, и я чёкнулась? А что? Мне так только кажется, что я нормальная, а на деле чёкнутая. Мне было десять, когда ты умер. Я тебя не помню почти. Не плакала на похоронах, потому что сил и слёз уже не было, просто стояла с каменным лицом. Мамина сестра наорала на меня и обвинила в бесчувственности. *(Молчит, смотрит на портрет)*. А помнишь, папа, как в детстве у меня была игра: я приходила к тебе и маме на кухню, делая вид, что я так измучилась и устала, приходила с подушками в руках, как будто это чемоданы, с огромной плюшевой собакой на веревочке и куклой под мышкой. Говорила: «Вот я пришла к вам с ребенком и козой, шла долго, устала, надо бы отдохнуть мне», и вы меня поили чаем с бутербродами, и смеялись, а я не могла понять почему, ведь я всё это делала серьёзно.

Молчание.

Ну вот, и я заговорила с тобой, папа. Я тоже с ума сошла.

ВАЛЯ. Где он?

АНЯ. Да, папа. Свёл с ума одну, свёл другую, а теперь из могилы и до меня добираешься. Валентина Сергеевна, вы не в рассудке. Алло? Хорошо, я найду денег где-нибудь, может, у маминой сестры, надо к ней сходить, давно её не слышала, может, не умерла ещё. Хорошо, что вспомнила её сегодня. У неё есть деньги, поди.

ВАЛЯ. Он меня очень любил. Мы с ним гуляли только ночью. Однажды зимой мы шли по дороге, я поскользнулась и начала падать, он подхватил меня, аккуратно положил на землю и лёг рядом. Мы лежали с ним, смотрели на звёзды. Лежали в снегу и смеялись. Подъехали гаишники, остановились, мы вскочили, засмеялись и убежали от них. *(Пауза)*. Он так меня любил.

МАРИЯ. Я же тебе все эти годы после его смерти говорила про его блядство, а ты мне не верила. Я не видела его в гробу, он умер или она правду говорит? Я слепая, он мог меня обмануть.

Звонит городской телефон.

ВАЛЯ. Возьмите трубку.

АНЯ. Мы не ждём никаких звонков ни от кого. Нас никто в этом городе не знает.

ВАЛЯ *(берет трубку)*. Алло? *(Пауза)*. Помолчали, положили трубку. Значит, он не тут у вас, а звонит откуда-то из города?

АНЯ. Конечно. Он где-то в городе, да. *(Молчит, слезы вытерла)*. Когда мы с подругой были маленькими, мы баловались и звонили на чужие номера телефонов. Один раз я набрала номер, трубку поднял дедушка. Я попросила его позвать Клаву, думала, что это смешно. А он сказал: «Сейчас попробуем». Дал трубку, наверное, своей жене, бабушке, а я испугалась, извинилась, сказала, что не туда попала. Хотела положить трубку, а она мне: «Спасибо, спасибо, что позвонили, спасибо, хоть вы и не хотели, но все равно позвонили, спасибо, нам давно никто не звонит». Вот и нам никто не звонит.

ВАЛЯ. Он мой. Я ходила перед тем, как встретить его, в церковь целых полгода. Молилась и просила, чтобы он появился у меня. Мой любимый. Он появился вскоре. Я его вымолила. Мы с ним лежали в постели, и я ему всё время шептала: «Ты у меня вымоленный».

МАРИЯ. Я столько лет терпела его. Только потому что он был красивый. Он издевался надо мной. А потом я поняла, где-то прочитала, это про него сказано: «Жила-была елочная игрушка. Она была такой блестящей, что ей прощали внутреннюю пустоту». Это – про него.

ВАЛЯ. Неправда. Он не был таким.

МАРИЯ. Он меня обманул.

АНЯ *(кричит)*. Мама, что ты мелешь?! Папа умер через полгода после того, как ты ослепла, от горя умер и от жизни поганой, ты забыла?! Он так любил тебя, вы сидели с ним часами всегда, не разнимая рук, я приходила и садилась к вам на колени, а вы на меня не смотрели, только друг на друга, ты забыла? Он так любил тебя, твои руки, твои глаза, а когда ты заболела, он так плакал, сидел и беззвучно плакал, а ты вытирала ему глаза и просила: «Не плачь, всё хорошо», ты забыла? Вот за этим столом вы с ним сидели, мама? Я же помню это, мама?! Он умер от горя, за тебя!

ВАЛЯ. Лев Толстой сказал, что без любви жить легче. И добавил: но без любви жизнь не имеет смысла. У меня есть смысл.

АНЯ. Идите домой, Валентина Сергеевна, а? Выпейте какую-то таблетку, что ли. Хватит. При чём тут ваша любовь и наш отец? Вы зачем маме это говорите? Она с ума сошла от ревности, от боли, от одиночества, что его нет, а вы приходите и яду добавляете? Зачем? Что надо вам? Ведь это же неправда, неправда, мама, слышишь?

МАРИЯ. Правда.

ВАЛЯ. Правда.

АНЯ. Нет!

МАРИЯ. Правда.

ВАЛЯ. Где вы его спрятали?

МАРИЯ. Я знала, я знала это. А я еще ему ребенка родила. Зачем я отдала ему всё? Сажу в темноте, ничего не вижу. Не видела ничего, а он за моей спиной такое творил ... Это он клещ, это он выпил мою кровь ...

ВАЛЯ. Мне сорок лет, а я стала толстая и дряхлая. Читаю столько лет уроки ученикам и ничего не понимаю из того, что говорю. Иван Родил Девчонку, Велел Тащить Пелёнку. Только вчера, когда увидела его на улице, и когда он сбежал от меня, только вчера я пришла домой и первый раз за много лет посмотрела в зеркало, накрашила губы, попудрилась. Выйду из школы, прихожу домой – пусто. Если и было что-то, то кончилось. А десять лет без него пролетело, как один день. Как ночь. Будто света не было, какой там день? Кто ему разрешил кончаться? Почему кончилось? Почему, когда он был рядом, я не думала об этом? Почему я это счастье проморгала, когда он был рядом, проморгала, будто слепая была?

АНЯ. Я прошу вас, уйдите, Валентина Сергеевна.

МАРИЯ. Нет, пусть сидит. А ты мне расскажи: какая она? Она толстая? У неё морщины? Она плачет? Она страшная? Есть у нее на руках, на шее, на лице пигментные старческие пятна? Надо, чтобы были. Я вижу, что есть, такие пятна, будто разлили кофе, разбрызгали дешевый некрепкий кофе. Она лысая? Она в

парике? У неё есть на плечах перхоть с головы? Он в дешевом кримпленовом костюме коричневого цвета? Цветочки по подолу и на плечах? Стоптаные туфли из кожзама? У нее в руках сумка синяя с черными ручками, замотанными изолентой? Есть у неё это? Скажи, что есть? Скажи, что это так?

Молчание.

АНЯ. Так. Так. Так, мама.

МАРИЯ. Прекрасно. Я так и знала. Я очень рада.

ВАЛЯ. Да неправда всё это. Ничего такого у меня нет. С чего вы взяли?

МАРИЯ. Есть.

ВАЛЯ. Нет! Я иначе выгляжу, я хорошо одета! И никаких пятен!

МАРИЯ. Нет. Есть. Мы видим.

ВАЛЯ. Да вы обе ослепли и говорите это так только для того, чтобы он услышал, чтобы меня облить грязью, он где-то тут и слышит, вот потому вы так и говорите, вы говорите громко, неестественно, вы идиотки, вы сошли с ума!

АНЯ. Я сижу среди дур, дур, дур. Кур-кур-кур. Одна дура и вторая. В дурдоме всё возможно. Можно говорить, что хочешь, можно делать, что хочешь, можно манной кашей голову мазать, в валенок кричать, всё, что хочешь - можно.

ВАЛЯ. Сама ты дура.

АНЯ. И мне не жалко ни ту, ни другую. И его, который в могиле, не жалко. Себя мне жалко, что я тут сижу, а не на Канарских островах.

ВАЛЯ. Кто тебя туда позовет? Он меня звал.

АНЯ. Куда? В дурдом? На Агафуровские?

ВАЛЯ. Нет. Туда. Он подтвердит, что звал. Он тут.

АНЯ. Да, да, он под диваном!

Валя встала на карячки, смотрит под диван.

ВАЛЯ. Ты врешь, там его нет.

АНЯ. Да, я забыла, он за шторой.

Валя заглядывает за штору.

ВАЛЯ. Тут его тоже нет.

АНЯ. Да, он в кадке с фикусом сидит, в земле зарылся! Землёй стал и в земле зарылся, вот тут, постучи по кадке, а потом себе по голове постучи, вдруг там кто-то есть, сидит, может, поговорит с тобой?

Молчание.

ВАЛЯ. Там его тоже нет.

АНЯ. А, я забыла! Он вышел за бутылкой водки! Он же пьющий. Скоро придёт. Подождать надо. «Подождите, детки, дайте только срок, будем вам и белка, будет и свисток!».

ВАЛЯ. Я подожду.

АНЯ. Вы ждите. Обе. А мне надо встать и что-то сделать. Что-то надо сделать. Пол, что ли, вымыть? Они меня тянут в темноту в свою. Мне надо что-то сделать. Или я с катушек съеду. Одна меня сводила столько лет с ума. Теперь

вторая пришла и решила поддержать первую. Они его любили! Обе! Как оказалось вдруг! И они стали выпадать из времени! А я тут при чём? У меня свои дела и свои проблемы. И своя жизнь нелегкая. Я, Валентина Сергеевна, после аборта стала совсем не своя. На первом курсе с мальчиком сошлась, такой красивый был.

ВАЛЯ. На папу на твоего похож был?

АНЯ. Да, на него, угадали. Как вы угадали? Ну вот. И пошло, поехало. Мы с ним подружились. А потом спать легли, вон там. В соседней комнате, на маминой и папиной кровати, мама в той комнате спит, в моей детской, она не может на той кровати спать, ей плохо там, у нее воспоминания плохие, вот она и не может, а я с ним там, с мальчиком этим, на супружеском ложе мамы и папы, в первый раз, комнаты раздельные, а потом я ему сказала, что зачела, а он дал денег на аборт и убежал, вообще убежал, уехал в другой город, исчез.

ВАЛЯ. Зачем ты сделала аборт?

АНЯ. А не надо было?

Молчание.

Вы ждите, ждите. Скоро придёт. Приход придёт. Пропадите все пропадом. Не хочу никому ничего отдавать, никого любить, ни кем не хочу дорожить, ничего не терпеть, ни кем не вертеть, никого не ждать, хочу только независеть и всех ненавидеть, ненавидеть, ненавидеть, спасибо за уроки жизни, дорогая учительница моя! Если с ума это сводит, то я не хочу больше никого любить, не хочу, не хочу, не буду, страдать, терпеть, ненавидеть ...

ВАЛЯ. Любовь долготерпит, всё прощает, сказано в Евангелии ...

АНЯ. Вот пусть она и долготерпит, а я натерпелась.

ВАЛЯ. Господи. Какой он был красивый. Спим на кровати, он рядом, он сопит, а я боюсь его разбудить и часами в темноте глаза таращу, но вижу его профиль, его нос, его кадык, щетину на щеках, брови, ресницы длинные, волосы кудрявые, и я могла бы смотреть сутками напролёт, только бы смотреть и смотреть. Может, он и не любил меня, но какая мне была разница, если я его так сильно, так сильно, так сильно любила ...

МАРИЯ. Я его так сильно, так сильно, так сильно любила ...

АНЯ. Я его так сильно, так сильно, так сильно любила ...

ВАЛЯ. Я ему была готова всё отдать, сердце, душу, здоровье, всё, всё ...

МАРИЯ. Деньги, водку, тряпки, трусы, носки – всё ему. Так?

ВАЛЯ. Да, я ему всё покупала. Вы же не могли.

МАРИЯ. Мы не могли.

ВАЛЯ. Не могли.

МАРИЯ. А ему надо было только, чтобы ты его кормила и хвалила. Но больше надо было, чтобы ты ему наливала. И ты наливала. И ты споила его, и ты его в могилу затолкала. Потому что трезвый он бы с тобой не лёг, нет, не лёг бы, только пьяный, вот ты ему побольше и насыпала в стакан. Вот и кончила его.

ВАЛЯ. Неправда.

МАРИЯ. Правда. Я видела с балкончика, как ты ему за пивом с бидончиком бежала каждое утро. Он из дому выйдет, шмыг к тебе, нам говорит – пошел на рынок, а сам к тебе, а ты сразу бидончик в руки и бежать за пивом, за разливным, дешевым, на дорогое у тебя денег не было и жалко тебе было. Я всё видела. Ты ему бежала, я видела.

ВАЛЯ. Ты его красоту не могла оценить, а я могла. Ты никогда не могла, не умела. А я смогла, и он был счастлив со мной, не с тобой. И ты мне его отдашь, я пришла за ним, и я его заберу сегодня.

МАРИЯ. Забирай.

Прошла к шкафу, взяла портрет, кинула его на пол.

ВАЛЯ. Отдашь.

МАРИЯ. Забирай, сказала, кто не даёт?

АНЯ. Замолчите, замолчите, замолчите ...

МАРИЯ. Стенки тонкие, я же слышала, как ты ему на кровати шептала всякие слова. Как ты его ублажала, я же слышала всё ...

АНЯ. Мама, она живёт в соседнем подъезде.

МАРИЯ. Ну и что? Я слышала всё равно.

АНЯ. Молчи, мама, хватит, не сходи с ума!

МАРИЯ. Клещ. Кровь его выпила. Ослепила его. Свела в могилу его. Моё сердце слышало.

АНЯ. Хватит, хватит вам!

ВАЛЯ. Не хватит.

АНЯ. Слушайте, вы обе в каком-то другом мире живёте, вы сошлись, вы две сумасшедшие кошки, у вас какие-то линии пересеклись, вас заклинило, и вы сейчас обе бредите, вы не в себе, вы ненормальные, постойте, что делать, надо что-то мне сделать, я не знаю что?!

ВАЛЯ. Я же знаю: он жив.

АНЯ. Да, жив! Он у вас дома, Валентина Сергеевна! Я вспомнила! Он у вас дома на кровати лежит, идите, он уже лежит и поглаживает простынку и ждет, когда вы ему под бочок ляжете, идите скорее, а нас оставьте, он ждет не дождется, слышите, Валентина Сергеевна?!

ВАЛЯ. Ждёт?

АНЯ. Да. Идите и больше не приходите к нам.

ВАЛЯ. Ждёт?

АНЯ. Конечно.

ВАЛЯ. Мы с ним придём развод просить у неё. Чтобы всё было по-честному и пусть он ей скажет, что он меня одну любит. Потому что Чувилин чувствует, что ему сочувствуют.

АНЯ. Скажет. Скажет.

ВАЛЯ. Ждёт?

АНЯ. Ждёт, ждёт.

ВАЛЯ. «До чего ж сегодня день чудесный! Солнце в небе празднично горит! Освещает местность и окрестность! И теплом своим сердца бодрит! Но лежит на пастбище корова! Грустно смотрят карие глаза! Потому что ей пастух суровый «Здравствуйте!» сегодня не сказал!» ... *(Пауза)*. Как ждёт? У него ключей нет от моей квартиры, как он может ждать? Ты всё врёшь? Что ты меня в темноту толкаешь?

АНЯ. Не в темноту, а в подъезд.

ВАЛЯ. А там темно.

АНЯ. Там лампочка десять лет назад перегорела и заменить некому. Вот вы, как старшая по дому, взялись бы, да и заменили бы, нашли бы электрика, займитесь чем-то общественно полезным, а? Дайте нам свет!

ВАЛЯ. Дима сюда придёт, я ему дам лампочку, и он её вкрутит. Я буду тут сидеть и его ждать буду.

АНЯ. Идите домой.

ВАЛЯ. Нет, я дождусь посижу.

АНЯ. Ну, ждите.

Молчание.

Ты придёшь? Звонок в дверь, и ты приходишь. Умный, добрый, честный, искренний, красивый, с красивыми руками и добрыми глазами ... Приходишь, а я на кухне, руки грязные. Вскочу, а тебе всё равно, что у меня руки, что я не накрашенная, ты меня любишь и тебе всё равно ... Если бы пришёл, если бы пришёл, пусть пьяный, грязный, черный, больной, я бы тебя вылечила, я бы тебя спасла, я бы всё-всё для тебя сделала. Миленький мой ...

Молчание.

ВАЛЯ. Я жду тебя, мы рядом. Я люблю тебя, а ты меня. Мы вместе, и мы всегда будем вместе. Я думала, что я никогда не дождусь тебя, но я тебя дождалась. Всю жизнь ждала тебя и только тебя ...

МАРИЯ. Вот – дверь, обычная наша старая дверь, скрипучая и старая, сто лет не отремонтированная, сколько раз она открывалась, сколько раз ты ходил туда и сюда, а я бы легла возле двери на пол, и ждала бы, чтобы дверь открыли, и не мусор вынести открыли бы, а чтобы ты пришел, и я спала бы у порога, и ждала бы тебя, тебя, тебя, и ты бы меня разбудил и поднял с пола ...

АНЯ. Старый замок, старый звонок, паутина повисла на проводе звонка, паучок сидит в углу и смотрит на меня и радуется, и радуется, что я рада, что пришел ко мне мой, мой, ничей, а только мой человек, самый любимый, самый-самый ... Как я ждала его ...

МАРИЯ. Я открываю дверь, нашу старую дверь, а там ты ... Эта дверь – будто в другое измерение. В другой космос, в другой мир, где ты стоишь на пороге в полумраке подъезда, стоишь и смотришь на меня такими красивыми своими глазами ...

АНЯ. Ты добрый, ты всё понимаешь без слов, мы сядем и просто будем смотреть в глаза друг друга, только друг другу в глаза, и молчать, потому что всё понятно без слов ...

ВАЛЯ. Нет, мы просто возьмемся за руки, а потом вместе закроем глаза, и будем чувствовать руки, ты мою руку, а я твою, будем долго-долго держать друг друга за руку, долго чувствовать, как бьется жилка на запястье, пульс твой и пульс мой ... Чувилин чувствует, что ему сочувствуют ...

МАРИЯ. Мы как клещи вцепимся друг в друга, мы будем переливать кровь нашу: ты мне, а я тебе, друг другу, не прямо так, а мысленно, меняться кровью твоей и моей, меняться, любить друг друга, мы будем вместе, где же ты, где же ты, где?

АНЯ. Где же ты, где же ты, где?

ВАЛЯ. Где же ты, где же ты, где?!

АНЯ. Я так устала ждать тебя. Я вчера нашла монетку вверх гербом, спрятала её в карман и улыбнулась, и загадала: хочу, чтобы ты пришёл. Да, ты придёшь, я шла и монетку трогала, я чувствовала, что ты придёшь. Пришла домой, села тут за стол, посмотрела на монетку и решила перегадать: я смогу без тебя прожить, даже если ты не придёшь, я ведь жила долго без тебя. А если все умрут, а я останусь - мне станет жить тяжело, невозможно. И я перегадала: пусть будет лучше так, чтобы все жили подольше. Вместе со мной. Пусть не вечно, когда-то же помрут, но хотя бы подольше ...

Звонок в дверь.

Все сидят, не двигаются.

Темнота

Занавес

Конец

5 октября 2015 года, г. Катовице